

О МАСТЕРАХ ИСКУССТВА

И вдохновенье...

На нее смотрела худенькая девочка-подросток в старом не по росту ватнике, повязанная платком. Широко открытые глаза спрашивали: «Ну, как?»

Каждый раз, когда Зоя Семеновна, перебирая ворох фотографий, замечала эту, в памяти воскресала полоска картофельного поля, серое небо и густой запах осени.

В тот трудный послевоенный год им выделили участок земли далеко за городом. Вместе с другими женщинами из лесопильного, где работала мать, они втащили в кузов старой полуторки и свой мешок. Картошка была мелкая, дряблая. Будет ли с нее толк какой?

Эти дряблые орехи сажали целый день. Ямки копали по очереди, часто отдыхали. Мозоли на ладошках так и не сошли к первой прополке. Потом дважды ездили окучивать. И вот, наконец, дождался урожая.

Высыпав последнее ведро крупных картофелин в подсыхающую пирамидку, Зоя предложила: «Давайте, напечем».

Потянуло дымком костра. Из сине-сиреневых туч выкатился огненный диск солнца. Сразу похорошело опустевшее поле. Зоя сняла с головы платок, расчесала гребенкой волосы. Ветер перебрал их, как струны. Глаза стали совсем синими.

— Ой, тетенька Лена! Сейчас ваша Зайка предстанет начнет, — с восхищением проговорила соседская девчонка, прибежавшая на огонек. Она удобно уселась и приготовилась смотреть. А Зоя, метнув в ее сторону синие молнии, перевела взгляд в сторону матери и голосом, от которого у соседской девчонки поползли мурашки по спине, заговорила: «О, ты, вскормившая нас мать! — Она протянула руку так, как бы это сделала Клеопатра. — Картошку посадившая на этом поле бросовом. Надеешься ли ты, что хватит нам ее на зиму? Нет, нет... Молчи! Я знаю, с уст твоих сорваться может, что не хватит. О-о-о-ооо, родная. Не омрачай нам радостных минут, счастливых мыслей не лишай. Скажи, что — хватит!»

Мать улыбнулась: — Зайка ты моя, Зайка. Я думала, ты притомилась так, что и языком-то тебе лишь ворочать. А ты все дурачишься. В театры играешь. Бросай игры, девонька. Пора подумать о деле каком серьезном. Какую работу делать сможешь. Такая ты у меня былинка удалая, того и гляди, что ветром снесет.

Фотография, напомнившая

артистке Зое Антоновой годы ранней юности, затерялась среди сотен других, с которыми смотрела прекрасная женщина. То она была — вся счастье, то глубокое страдание застыло в ее глазах, то лицо выражало смятение мыслей и чувств: как разобраться в сложных, запутанных дорогах жизни. Эти фотографии, что хранятся в альбомах актрисы, память о сыгранных ролях, о спектаклях и еще о многом том, что так, сразу трудно объяснить, о творческих битвах за жизненную правду, о поисках и еще раз о поисках сути, душевной сложности ее героинь.

Что путь на сцену не прост, что труд на сцене сложен, Зоя узнавала постепенно. Профессию она себе выбрала мудреную, которая будет ей приносить больше душевных мук и огорчений, чем радости. Но зато какой радости! Она превращает ее сердце в парящую птицу над землей, она буйная, неуемная.

Ни с чем не может сравниться минута, когда актриса, покинув кулисы, шагнет на освещенную сцену. Все забыто, все. Только они, в полумраке зала, внимательные глаза зрителей, и она, актриса, принесшая на сцену судьбу, жизнь своей героини. Глаза зрителей следят за ней, следуют за ней. Они радуются вместе с ее героиней, страдают, любят и ненавидят. Нет, нет. Она вынесет все, что положено вынести человеку, отдавшему свою жизнь искусству. Может, ради этих минут, когда в ней все ликует: «Вы все в этом полумраке зала мои, и вы будете слушать мой голос, следить за моей героиней с душевным трепетом до финала, до закрытия занавеса».

А возможно и потом, спустя много дней, лет, вы будете помнить Антонову — Нору Ибсена, Антонову — Настеньку Мельникова-Печорского, ее Машеньку в «Кремлевских курантах», взбалмошную Финюю Лопе де Вега. Сколько же ею сыграно ролей?

Взаправдашние роли появились у Зои Семеновны вскоре после того памятного монолога на картофельном поле. Как же все это началось? Сначала девятикласснице Зое не давала покоя мысль, как, какими судьбами попасть на спектакли. На каждый спектакль, на некоторые по два-три раза. Она не уставала их смотреть. По окончании спектакля не хотела уходить. Закрывался занавес и обрывалось то, без чего ей становилось пусто и одиноко.

В Омск приехал на гастроли театр имени Вахтангова. Спектакли этого театра глубоко волновали Зою мастерством режиссуры, талантливой игрой

актеров и актрис. Неодолимое, неистощимое желание стать актрисой. И вот она работает в театре юного зрителя. Вспомогательный состав. Несколько выходов в массовке и затем первые слова, которые она должна была произнести на сцене. Это уже роль! И как часто случается, от сильного волнения Зоя-нянька в спектакле «Сказка о царе Салтане» с перехваченным дыханием выговорила: «Ахти, упадет и глазок подобьет...», упала, а коварный, неимоверных размеров сарафан так предательски вывернулся, что закрыл ее с головой. Еле выпуталась. Год актеры подтрунивали: «Ну ка, Зоинька, ахти...»

Зоя начала давать роли мальчишек. Она успешно справлялась. Ее мальчишки озорные, лукавые, тихие, робкие запоминались зрителями. Роль мальчика — американца в пьесе Любимова «Снежок» отметили печать, как удачу.

Зоя работала в театре юного зрителя и училась в театральной студии при Омском областном драматическом театре. Времени — ни одной минуты. Все поглощала работа на сцене и учеба в студии. Откуда только силы брались. Дома не ждали обильные обед, ужин. Картошка, грибки. Но молодость, жажда жить и дерзать, и как однажды выразилась мать Елена Андреевна, ослепшая любовью к театру, заставляла забывать все тяготы: холодную комнату с обледенелыми окнами, грубые штопанные, перештопанные чулки, неуклюжие «мокроступы» на ногах, пальтишко, перешитое доморощенной портишкой тетей Феней из перекрашенной шинели. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша» — говорили ей друзья.

— Да. Но хорошо бы дружке, — смеялась Зоя.

Окончена театральная студия. Любимый учитель едет главным режиссером в областной театр в сибирский город Абакан. И конечно же, он приглашает на работу в этот театр свою тоже любимую ученицу Зою Антонову.

В тот год реки будто взбесились. Затопили все, что могли затопить. Как глазом окинуть — вода, вода да торчащие верхушки тальника. Если наклониться над водой, увидишь как тянутся к свету и воздуху луговые травы и цветы. Они не успели распухнуть и сейчас печально покачивали головками под прозрачным слоем воды. Да тут были лужки, трава по пояс, островки, поросшие калиной. Тут было раздолье уткам. Они прилетали в эти места, вили гнезда, висжили птенцов и начиналась тогда на этих лужках с островками райская утиная жизнь. Так было каждую вес-

ну. А в эту — не судьба вывестись птенцам. Над затопленными гнездами метались обезумевшие птицы, извещая мир о неутешном горе.

Машина остановилась на пять минут. Из нее вышли артисты, раз'езжающие по Хакасской области с гастроями. Колхозы, совхозы, улусы. Степь, горы, горная тайга и вот этот бешеный разлив. Пять минут чистого, стерильного воздуха, ликующего крика чаек и утиной тоски. «Вот так и в жизни людей, — подумала Зоя. — Одни сердца ликуют от счастья, как эти чайки в полете, другие — скорбят. В них боль. Все сложно в людях, их взаимоотношениях. Человека нельзя копировать на сцене. Его надо понять. И чем сложнее внутренний мир, тем труднее актеру работать над ролью, но тем интереснее». Роль захватил — Говорят актеры. Это чувство схоже вот с таким весенним паводком. Нет ему преград. Тогда артист, идя по улице, может не замечать, не узнавать знакомых, отвечать на вопросы родных, друзей не впопад. Он думает, он ищет, он работает, творит.

Таким разливом, ликующим полетом чайки начался сценический труд Зои Семеновны в Абакане, Красноярске, Куйбышеве, Вологде. Вот уже несколько лет ее знают вологжане. Ей аплодируют, ждут новых работ.

— Мне трудно рассказывать, как я работаю над ролью, — делится своими мыслями Зоя Семеновна. — У каждого актера, актрисы свой метод. Но каждый из нас, артистов, получив новую роль в новом спектакле, старается глубоко осмыслить ее.

Первая мысль при встрече с моей новой героиней: «Кто она? Какова ее суть? Думаю, стараясь постигнуть, понять, разобраться. Иногда я просто хожу и присматриваюсь к людям, подглядываю за ними. И нет лучшей школы, чем народ, его быт, сложные людские взаимоотношения. Людей тысячи и в каждом из них индивидуальность неповторяющаяся. Если удается, подсматривая, увидеть глазами художника, впитать все это сердцем, осмыслить драгоценные крупички, составляющие суть, внутренний мир человека, а затем применив в своей работе, до-

нести до зрителя, значит — удача. Но не всегда это нам, актерам удается. Не всегда».

Время делает свое дело. Время вершит. От робкой девочки, влюбленной в театр, до зрелого мастера сцены, заслуженной артистки РСФСР Зои Семеновны Антоновой — большая дорога. Актриса создает образы большой внутренней силы, большого эмоционального воздействия. Ее героини волнуют, покоряют, им верит зритель.

Как-то один вологжанин большой любитель театра заметил:

— У Зои Семеновны прекрасный дар актерского мастерства. Она от начала и до конца спектакля умеет оставаться той, кого изображает. Совсем забываешь, что играет актриса...

И еще мне удалось услышать о Зое Семеновне:

— Мне кажется, что стоит ей надеть новое платье, прицепить локоны вместо белокурых черных и она уже без труда и усилий засветилась новыми красками, точными и яркими, будто все дело в новом платье и локонах.

Краски яркие, живые присущи ей на сцене и в жизни. Руки Клеопатры делают все в доме. Трое мужчин — сыновья, муж. Мужчины любят поесте за двоих, любят образцовые рубашки. Иногда ворчат. Они ворчат, а у их мамы и жены бесенки в глазах, да такие озорные. Пусть бесенки, это хорошо. Потому, что впереди работа. Новые спектакли, новые роли, репетиции, репетиции. Вновь поиски, находки, утраты. Впереди — «И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь...»

Таковы трудные, но прекрасные дороги в искусстве.

А. МЕДВЕДСКАЯ.